

Наталья Тагорина

Родилась в 1977 г. в городе Коряжме Архангельской области. Живет в Санкт-Петербурге. Юнгианский психолог, редактор сайта Ассоциации писателей Урала. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Москва», «День и Ночь» и др. В 2017 г. вышла книга стихотворений «Конверт с листьями». Член Союза писателей России.

БАБОЧКА ПОД ЗЕМЛЁЙ

***

Ты зазвучишь, как вольная вода,
Как донный вкус прихлынувшего моря,
Сквозь крики сумасшедшего, когда
Он улицу пугает, с кем-то споря, —

И вдруг молчит, бесплотную волну
Прохожих отведя, как пелену, —
С Тобой соединённый пуповиной...
С Твоей неосвещённой половиной.

Заснежена твоя клеёнка
На парапете у метро.
Промёрзло нищее добро —
Салфетки, вязанные тонко.

И руки дряхлые дрожат,
И снегопаду уступают,
И кружево не успевают
Отряхивать. А снегопад

Тебя молчаньем охватил,
Удерживая, как младенца,
Как переполненное сердце —
Истаивая до светил...

Он светом увлекает вверх —
И в тесноте его высокой
Стоишь фигуркой одинокой,
Уже отделена от всех.

Но каждый божий человек,
Невидимо идущий мимо,
Тебе знаком необъяснимо!
И так — преодолая снег,

Со всеми в перекличке тайной
На этом голом пяточке —
Стоишь смиренно, налегке,
С беспомощным своим вязаньем.

Так — словно на недолгий срок
Во всезвучащем разговоре,
В его космическом узоре
Ты — самый важный узелок.

*Umbra Solis —
тень солнца (лат.)*

Пыльное время Рима — всё сквозь пальцы...
Дремлют руины розовыми тенями.
Водит кругами выводки постояльцев
Город полдневный, ласковый латинянин.

Стёртые лица — фрески — плывут потоком.
Каждый, сюда пришедший, — во сне глубоко:
— Видишь, трактирщик грубый, а вот патриций! —
Жадному миру римское детство снится.

(Официанта аврелианский профиль
Выточен в мраморе. Древних кровей потомок
Нас опекает, носит еду и кофе,
Чуть удивлённо нежен — почти ребёнок.)

Римское детство! Вилла плющом увита...
Цепкая жизнь внутри завитком свернётся.
Время застыло — кончилась dolce vita.
Лето Господне зреет под тенью солнца.

***

Голубь воду пьёт. У Тебя
Каждому — блаженный предел.
Если нежен Ты к голубям,
Если мир Тобой и сложен, и цел, —
Сам встаёшь
Под свой смертельный прицел.

Когда любовь отступит — стань покоем:
Нетронутой постелью, белым хлопком,
Прохладой накрахмаленной подушки
И мерными ударами прибоя.

Полоской солнца, по стене ползущей...
Но только не гляди туда, где море
Уже размыло угол одеяла —
Лишь пена над горчайшею водою.

Врубель

*Художник нам изобразил...
О. Мандельштам*

Потусторонняя сирень,
Поднявшись за ночь под стропила,
Вдохнула свет и затопила
Скрипящий дом.

Какая жуткая вода
В её сиреневом провале —
В окне, на кресле, в покрывале...

Кипящим льдом
И дальним берегом чужим —
Сырыми гроздьями из тени —
Густая немота сирени
Гремит кругом.

Бабочка под землёй

В подземный космос, в глину и гранит
Я опускаюсь. Она во мне взлетит.

...И я пойму, что я земля и прах,
Что слепота моя — её полёт,
Что только так, одолевая страх,
Она в последнем миге оживёт, —

И только смерть ей ровня. И о том —
Гранитный воздух под её крылом.

***

Лёгкая ноша, небесный груз —
Птица, упавшая мне на грудь,
Спишь, распахнув крыла...

Пылью дорожной, степной травой,
Холодом звёздным над головой
Всю меня обняла.

Не шевельнусь, не вдохну, пока
Спишь у меня на груди века —
И не прервётся высь...

Только внутри нарастает жар —
Нового дня световой удар —
Птица моя, проснись!

***

Кто сжал это сердце и не отпускает?
А сердце трепещет — сердце не знает,
Что всё только глина, в глине — дыханье.
— Свистулька в ладони — его трепыханье.

***

Благословляю твой уход
И славлю Руку, уводящую
Тебя наверх, за небосвод,
Из призрачного — в настоящее.

Горчайшую из всех потерь
Люблю — и каждый обжиг опыта...
И шаг в распахнутую дверь —
Туда, где ничего не отнято.

***

Словно почку — листок, изнутри эту горечь прорви
С нарастающей радостью перед назначенной датой
Пробуждения новой любви.

Будет гроздь винограда
Зреть в ладони, прохладно и сладко её тяжеля, —
Это море достигло корней. И в прозрачности ягод,
Оглушительно тих надвигается медленный вал —
И его принимает земля.

***

И, ослабев на миг,
Она водою пролилась в объятия
Ко мне на грудь.

Малышка, девочка в нарядном платье.
Боюсь вздохнуть.

Боюсь вспугнуть. Предновогодний вечер —
Что карусель.

Уснула маленькая... Пушинки легче —
Несу в постель...

Сон в марте

Безветрие. А снег — горошинки на платье:
Так ровно он летит. Зима опять дитя —
Нарядна, и во сне всё хочется бежать ей
На смех и суету — в переднюю, к гостям.

Она опять юна, ей снится понедельник,
Каникулы, и вот — нагрянули с утра,
И слышится: гудит далёким басом ельник
И гомоном вокруг — подлесок-детвора.

Недвижен долгий март — проснуться не торопит:
Всё комнат череда и старый этот дом,
Где солнечный паркет и туфель лёгкий топот
В янтарной пустоте разносится кругом...

...Горячей пустотой во сне неясно-тонком —
От детства до утра — проплавлено внутри.
И прибывает жизнь, где ты бежишь ребёнком,
Ты всё бежишь на смех и свет из-за двери.

***

Сад вышивает вспышками стрекоз,
Шмель тянет нить тяжёлую насквозь
В горячей сныти.

Всё сплетено и валится во тьму.
Но шмель взлетает вопреки всему —
И мир висит на тонкой нити.